

УТРЕННЯЯ ПѢСНЬ.

(Изъ Кампе, съ Нѣмецкаго).

Твой первый долгъ — благодаренье
Къ Творцу — душа воспринявшая вновь!
Господь услышитъ твое пѣнье:
Воспой Ему хвалу — любовь!

Къ своей охранѣ — слабосильный,
Я легъ, и тихо, мирно спалъ;
Кто-жъ, благостию столь обильный,
Меня хранилъ — мнѣ сонъ послалъ?

Не Ты ли, Господь, Владыка свѣта?
Тобой мы движемся, есмь;
Да, Ты, по благодати совѣта,
Меня возставилъ вновь изъ тьмы.

Хвала святому Провидѣнью;
Хвала Тебѣ, Господь, Богъ силъ!
Что день еще мнѣ къ наслажденью,
По тихой нощи, присудилъ!

Пошли Твое благословенье,
И дай мнѣ путь Твой совершить;
И самъ мнѣ даруй наставленье
Тебѣ угодное творить.

Ты будь и впредь мой Богъ-храни-
тель,

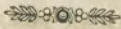
Надежда вся моя — Творецъ!
Будь мнѣ въ напасти покровитель,
И къ слабостямъ моимъ — Отецъ.
Подай мнѣ сердце непорочно,

Любови полное къ другимъ,
Чтобъ ревностно всегда, и точно,
Къ дѣламъ стремилось благимъ.
Чтобъ я, какъ сынъ благословенный,
Къ добру питалъ и къ правдѣ страсть;
А не страстями ослепленный,
Порокамъ отдался во власть.

Чтобъ трудности не опасался —
Я въ нуждѣ ближнимъ помогать;
Ихъ мирнымъ счастьемъ восхищался,
Умѣлъ добротъ ихъ цѣну знать.

Чтобъ благо жизни скоротечной,
Къ тебѣ съ признаньемъ, я вкусилъ,
И съ духомъ радостнымъ въ путь вѣч-
ной,

По манью Твоему вступилъ.

ТЕПЕРЬ, БРАТЪ, Я НЕ ТОТЪ.

Я все старѣюсь понемногу:
Замѣтно опытъ охладилъ
Во мнѣ душевную тревогу;
Порывы пылкіе смирилъ,

Часть XV Гл. I.

И на грядущую дорогу,
Сурово онъ благословилъ.

Въ наукѣ жить, я былъ невѣжда,
Но вразумленъ теперь судьбой:
Не довѣряюся надеждѣ,
Не увлекаюся мечтой,
Дурачусь менѣ, чѣмъ прежде,
И правлю тверже я собой.

Въ моихъ сужденіяхъ сталъ строже,
Въ моихъ желаніяхъ скромнѣй,
Во всѣхъ поступкахъ осторожнѣй,
И, говорятъ, въ рѣчахъ умнѣй.

Отъ странныхъ сновъ я пробудился,
Отъ заблуждений сталъ здоровъ;
Но я, — увя! — не излѣчился,
Ни отъ любви, ни отъ стиховъ.

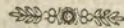
Да! я не тотъ; поизмѣнили,
Меня суровые года;
Пришла иная череда,
Другіе годы наступили.

Теперь мнѣ кажутся смѣшны,
Мои бывалыя печали;
Мои бывалыя мечты
Меня-бъ теперь не волновали.

Теперь иное . . . но какъ знать?
И настоящее волненье,
Не буду ль также заблужденъ емъ,
Съ улыбкой, завтра называть?

И вѣчные обманы эти
Смѣшны и жалки; но они
Такъ сокращаютъ наши дни,
И развиваютъ жизни сѣти.

А. СОКОЛОВЪ.

ОТВѢТЪ.

И я не тотъ, товарищъ милый:
Перемѣнился, постарѣлъ,
Путь жизни прохожу уныло,
Со всѣмъ не такъ, какъ бы хотѣлъ.
Давно ли, поминишь, передъ нами
Открылись корпуса врата,
И какъ за тѣми воротами
Была дорога отперта,

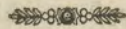
И чудно убрана цвѣтами
 Надеждъ блестящихъ и живыхъ,
 Вилась прелестно передъ нами
 Съ соблазномъ радостей своихъ; —
 Какъ будто ручеекъ игривой
 Широкимъ полемъ вдаль бѣжалъ,
 Такъ свѣтлой, ясной перспективой
 Предъ нами жизни путь лежалъ....
 Мы ждали: вотъ, за воротами
 Намъ счастье руку подаетъ,
 Дорогой жизни поведетъ
 И вплоть до гроба будетъ съ нами.
 Но мы питались мечтой,
 Мечты за сущность принимали —
 Изъ мыла дули пузыри,
 Мы въ призму юности смотрѣли,
 Намъ розы мнимыя цвѣли,
 На дѣлѣ — тернии лишь зрѣли.
 И вотъ, какъ раки на мѣли,
 Мы въ тридцать лѣтъ всѣ на мѣль съли,
 Не распутившись отцвѣли.
 Все счастье унеслось съ годами,
 Мечты разсыпались какъ сны;
 Теперь не тѣ ужъ я и ты:
 Мы, дѣти, стали стариками.

Ты говоришь мнѣ о любви,
 Ее съ стихами рядомъ ставишь;
 Люби стихи, весь свѣтъ любви,
 Но женщинъ? . . . Господи избави!
 Онѣ прекрасны издали,
 Но не разматривай ихъ строго:
 Дѣвицъ премилыхъ знаю много;
 Но женъ? . . . Господь насъ сохрани!
 Быть можетъ, я брюзгливъ не много,
 Или сужу ужъ очень строго,
 Или ицу въ нихъ слишкомъ много?
 А только право мудроно
 Потомство Еввы создано.
 Любовь? На что имъ это чувство?
 Имъ надо больше говорить,
 Подчасъ со смѣха уморить,
 До слезъ растрогать, — вотъ искусство.
 Но можно ль, милый, говори,
 При пылкой истинной любви,
 Позоритъ маской это чувство,
 Паяцомъ быть, болтать, смѣшивать,
 Когда въ груди огонь клокочетъ;
 Когда слеза скатиться хочетъ —
 Стараться смѣхомъ заглушить?

.....
 Чтобъ стала женщина любить,
 Въ любви *любезнымъ* должно быть!
 Онъ людей не выбираютъ;
 Умъ, чувство, сердце презираютъ,

А звонъ пустой и мишура
 Для нихъ до крайности мила.
 Ты скажешь, съ злости я прибавилъ
 Не много туши въ ихъ портретъ.
 Есть исключенія изъ правилъ,
 Объ нихъ теперь и слова нѣтъ.
 Я зналъ одно изъ исключеній —
 Любилъ — да это въ сторонѣ —
 Дай Богъ не видѣть и во снѣ
 Такихъ, мой милой, приключеній.
 . . . . .
 Я прежде молодъ былъ, смѣшенъ,
 Своей тоской другихъ забавилъ;
 Теперь иныхъ держусь правилъ:
 Смѣюсь самъ, когда взбѣшенъ.
 Молись, чтобъ Богъ меня исправилъ, —
 На камень кошу не навелъ,
 Отъ искушенья чтобъ отвелъ
 И отъ лукаваго избавилъ.

Е. ЗАНЕВСКИЙ.

И ЧѢМЪ ЖЕ ЖЕНЩИНЫ ВЪ ТОМЪ ГОРѢ ВИНОВАТЫ?

(Alte-là, Messieurs!)

Откуда столько желчи, злости?
 Давно ли усѣлись вы за жизненный обѣдъ,
 Разочарованные гости?
 Ужели вамъ однѣ облоданные кости
 Хозяйскій выставилъ привѣтъ?
 Съ зарею родились, а въ полдень ужъ
 сгрустнули,
 И тѣхъ подругъ, которыхъ далъ вамъ
 Богъ —
 Земнаго счастья въ залогъ,
 Въ своей винѣ винить дерзнули!
 Посмотримъ: тѣ ли вы, чѣмъ быть вамъ
 суждено?
 Мечта или жизнь должна быть вашей
 цѣлью?
 Къ трудамъ взаимнымъ или без-
 дѣлью
 Людское племя рождено?
 Вы, — цѣпи міровой ничтожное
 звѣно,
 Кто вамъ сказали, что свѣтъ сей созданъ
 вамъ слугою?
 Схвативъ вершки съ учености земной,
 Исполнили-ль вы долгъ наложенный судь-
 бою?